

Мы встретились с АЛЕКСАНДРОМ АНАТОЛЬЕВИЧЕМ ШИРВИНДОМ в рабочем кабинете художественного руководителя Театра сатиры. Первое впечатление ошеломило: в кресле сидел усталый, замученный, взъерошенный человек, лишь отдаленно напоминавший блестящего фразного героя с ироничным взглядом. Однако уже через пару минут общения я признала в нем прежнего Шурочку Ширвиндта, на редкость теплого и милого человека. Глаз его полегчал, как только разговор абстрагировался от театра и зашел о друзьях, детях, внуках; и загорелся, когда речь зашла о женщинах. На сцену же почти сразу после нашего интервью в спектакле "Орнифль" вышел уже совершенно другой человек, по роли стареющий поэт и романтик, любимец женщин, очаровательный ловелас. Этот образ завершил общую картину прежнего, заводного, хоть и умудренного годами нескучного человека.

- Характер - это судьба. Как изменился ваш характер, когда вам доверили власть над труппой Театра сатиры?

- К сожалению, никак, а надо бы, чтобы изменился в корне. Жизнь такая, что выигрывает руководитель суровый, непреклонный, массу эпитетов можно привести идентичных, но с этим у меня ничего не получается. Можно было бы, наверное, изобрести новый формат, как сейчас модно говорить, руководства, режиссуры. Но слово "формат" предполагает еще реформаторов. А я никакой не реформатор, уже поздно. Так что моя задача - остаться на плаву, делать хорошие спектакли, разнообразные. С молодежью, которая играет "на чердаке", - все проще. Вот и сейчас выпустили спектакль симпатичный, ребята яростно работают, удивляет Маша Голубкина. А вот что касается "низа"... Ужас в том, что большой очень театр. Сейчас по Москве столько зрелищ; 250 театров только на круг, а помимо них - театрики келейные на досках, на крышах, на крысах, милые, и их посещают, есть своя публика. А у меня в театре внизу мест 2250 и наверху 150. Это же с ума сойти можно, как это наполнить.

- Александр Анатольевич, неизбежно возникает вопрос: "Оно вам надо"? Вы - человек, актер с благополучной во всех отношениях судьбой...

- Ну а что было делать? Безвыходная же ситуация. Рынка художков театров нет, его не придумали. Ждать ва-

ШУТАМ стареть не к лицу

продолжаем видеться и вне театра, конечно.

- Как вы относитесь к "опартиеванию" державинского семейства?

- Ну что (с улыбкой), каждый веселится по-своему.

- Вас не агитировал?

- Он говорит: "Роксана велела". А Роксана не ошибается. Действительно, она очень мудрая дама.

- Говорят, если хочешь развалить коллектив, уничтожь его традиции. Как с этим обстоит?

- У нас есть традиции. В театре постоянно посиделки, дни рождения с капутниками, с естественной пьянкой, это обязательно, мы это любим. А сейчас мечтаем сделать обозрение пародийного плана, давно

тил курс... Конечно, к ним прикипаешь, они становятся детьми, все талантливые, ведь ты же их учил... Но свой театр для учеников, как сделали в свое время Рубен Симонов, Армен Джигарханян, Саша Калягин, - это очень опасная штука, ведь всех их нужно "отоваривать", все брать на себя, сегодня зритель идет на имя.

- В одном из своих интервью Иннокентий Михайлович Смоктуновский признался, что высшая для него похвала - звание шута. У меня создалось впечатление, что, приняв на плечи власть, вы изменили имидж, перестали шутовать. "Королевская корона" оказалась вам милее "шутовского колпака"?
- Нет, просто я был шут свежий, а стал

нашем кругу. Нет, можно и нужно хулиганить, но по-тихому. Главное, никого не подставлять. Я вдруг подумал, в самом деле, как давно я ни с кем не развдился и не сходил на страницах прессы, похоже, сбросили со счетов, а зря...

- Многие актеры, как и все нормальные люди, привязаны к своим любимцам, братьям меньшим. Вот и в вашем рабочем кабинете попугайчики своим гомоном мешают разговаривать. Ваш сын Миша - известный собачник...

- Это он пошел по моим стопам. У нас - спаниель, старый, как я, но живой.

- Привязанность вашего собрата по профессии Армена Джигарханяна к своему коту Флау уже стала притчей во языцех, на каком положении собака в вашем доме?

- Он у нас "мудак в законе", и этим все сказано.

- А с каким животным сами себя ассоциируете?

- Раньше сравнивали с мишкой, а сейчас уже какой-то пингвин.

- А с растением каким?

- А с растением... Есть такое растение, как его... "вино-ват"... вьюн, цепляется за все и висит, но цвета зеленого, конечно.

- А как лечитесь от усталости, чем успокаиваетесь?

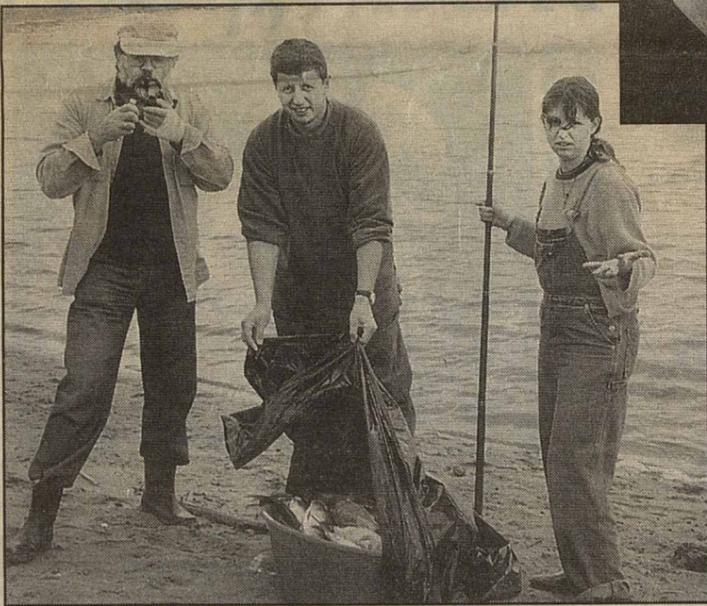
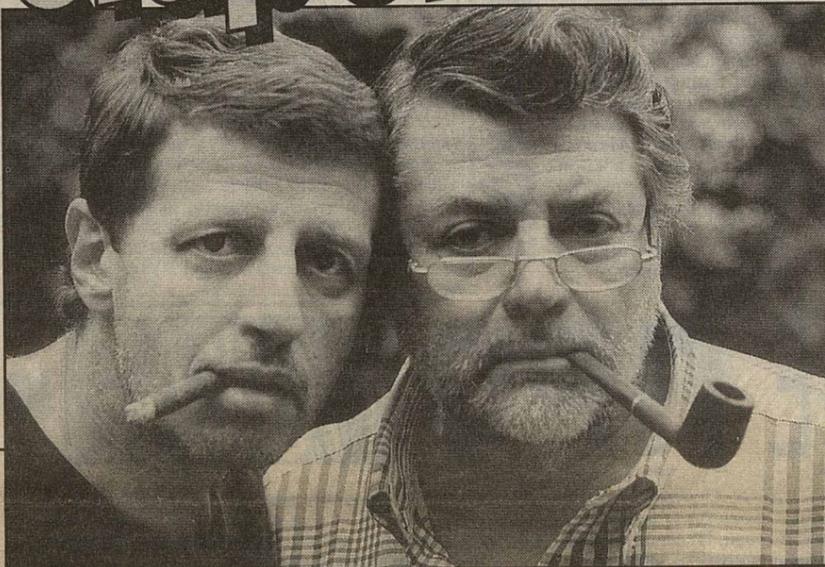
- Я смотрю спорт. Хороший бокс или хороший теннис без эмоций, тупо смотришь, и все.

- А сами?

- Сам - нет, играл когда-то в баскетбол в юности, хотя кольцо на даче висит.

- Внуки играют?

- Нет, я тоже иногда кидаю вместе с ними, но стоя на месте.

Семейный улов. С сыном Михаилом и внучкой Александрой

рягов? Брать совсем пацана какого-то? Опасно, здесь менталитет старый, особенный, а Товстоноговых нету. Значит, что: допустить чужака, а самому садиться с удочкой и писать мемуары, либо тянуть ляжку, но продолжать работать в свое удовольствие. Но элемент какой-то авантюризма в этом есть, конечно. Ну а как в актерской жизни без авантюры.

- То, что с эстрады практически исчез дуэт "Ш.-Д." (Ширвиндт - Державин), объясняется вашей теперешней занятостью?

- Да нет... Это вообще дело возрастное. Так, появляемся иногда, как бы вспоминая. Мы же не Шуров и Рыкунин, мы все-таки немножечко театральные актеры, и выскочить сейчас двум мужикам преклонного возраста и начать дурачиться - это же признак глупости, когда молодятся и молодятся. Если бы что-то придумать в этом жанре, соответствующее нашему нынешнему образу, но авторов же нет, одни не пишут, другие - ушли.

- А дружеские контакты с Михаилом не ослабли в связи с отсутствием свободного времени у обоих порознь?

- Ну это же не ведомственная штука, дружба-то. Мы играем вместе огромное количество спектаклей, но

не играли, а у нас театр на этом замешан, и повод есть - в будущем году 80 лет.

- Да, действительно, в прошлом есть что обозреть, поскольку в настоящем вы - театр того, чего нет.

- Ну в том-то и дело: "Имени Сатиры", "Памяти Сатиры", потому что как можно пересатирить то, что происходит, это же анекдот. Поэтому задача нашего театра - или веселить, или хорошо играть, а если это совместить, что практически невозможно, то будет замечательно.

- А дружеские традиции...

- Ну дружба, она же не возникает "потом", это только то, что изначально, круг, который был, он и остался: Марк Захаров, Арканов, Рязанов - мой друг, семья Гердт. Это сохранилось, стараемся общаться. Но тоже все сложно в этой круговерти: люди-то все старые, страшно остаться за бортом нашего творческого сумасшедшего дома, да это не всегда и удается уже нашему поколению шестидесятников. Вся эта действительно бурлящая молодежь - и талантливая, и всякая - относится к нам, тем, которые еще плавают, снисходительно-доброжелательно.

- А как отдыхаете?

- Ну рыбалка-то летом! Всегда. Уже сейчас мечтаешь, когда это начнется.

- О чем говорите за рюмочкой?

- За рюмочкой... Профессия-то такая жуткая, что все об одном и том же...

- Ну не поверю, Александр Анатольевич... Неужели ничего больше не волнует и поговорить не о чем, кроме профессии в расслабленном состоянии?

- Ну не про Ирак же, ну... Потому что изменить ничего нельзя, ходить на баррикады по этому поводу - это анекдот, а толочь воду в ступе...

- А если серьезно, Александр Анатольевич, если бы от вас лично что-то зависело, как объяснить, что нельзя начинать даже маленькую войну, потому что это чревато большими последствиями?

- Да уж очень одиозный пример, очень неоднозначная фигура... Если бы это был кто-то другой, а не этот Садом-Салдам... Когда говоришь человечеству "нельзя", потому что гибнут люди, понятно. Но когда возникает этот дядечка - монстр абсолютный, то думаешь... Поэтому у нас позиция такая... вялая, да. Ведь хочется и честь соблазна, а с другой стороны, почти то же здесь у себя, вот тут мы и зависаем... в болоте.

- А как вам главный американец?

- Это который, Буш? Водопроводчик. Меня забавляют разговоры, как с ним Америке не повезло. Да никуда она не денется. Это такая мощь, такой синдикал, кандикат, что этот перепад им до... Их бы на неделю к нам в Приморье, вот здесь они растворяются.

- У вас есть личные враги?

- Да нет... во всяком случае, активно проявляющих себя, завистники, может быть. Внутри театра все же - гении. Причем гениев больше 80, а ролей для гениев - меньше. Единственное, в чем мне в этом смысле повезло, ко мне никто не идет канючить, мол, я был незаслуженно обижен; я же всех и каждого знаю наизусть. Приди я в театр напротив, там бы стояла очередь из непризнанных гениев.

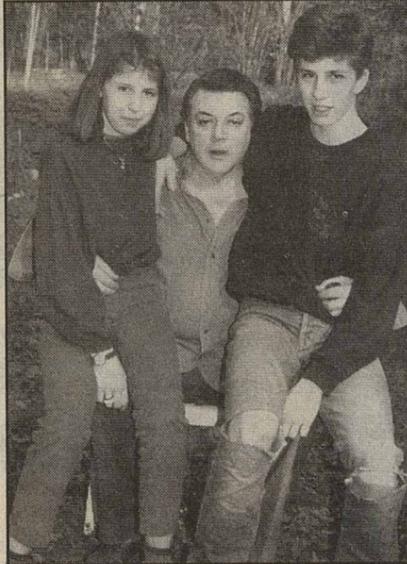
- А своих учеников-вахтанговцев пристраиваете к себе в театр?

- У меня в труппе более 20 человек ваханговцев. Два года назад я выпус-

▲ Отец и сын

С женой
Натальей Николаевной

Приезд внуков Андрея и Александры всегда лучший подарок

шутом старым. Я вот сейчас буду играть "Орнифль", там есть мизансцена... Секретарша говорит Орнифлю: "Вы еще не старый" на его сетования. А он отвечает: "Хуже, я старею, а шуту старость не к лицу" - вот точная реплика к вопросу. Это я играю со знанием предмета.

- Несколько бытовых вопросов. Мало кто из знаменитостей избегал толкований их любовных связей. Вы всегда избегали. Дайте совет коллегам, как?

- Быть похитрее. И все. Хотя сейчас же модно наоборот: не то что обнародовать, придумывать. Киркоров там с Распутиной какую-то бредовую связь раскручивают, явный пиар, никто не верит, и все равно... обсуждают даже в

- А кто кого учит жить, вы их или они вас?

- Нет, конечно, они меня. Мне теперь стало легче. Раньше когда куда-то уезжаешь, сразу проблема, что привезти всем, трансгранты: плечо Саши, ступня Андриуши, задница кого-то еще. Голгофа. А сейчас совсем другое стало. Когда уезжаешь, все в один голос: "Только ничего не покупай!" - "А может..." - "Ничего". - "Ну все-таки..." - "Ни-че-го не надо". Потому что привожу же все не то.

- Какой самый большой подарок вы получили за последнее время?

- Подарок... даже не знаю (надлого задумался). Подарок, что приехал сын, который вечно занят, внук, он в Берлине по обмену учится, его дама, у нее все время свои дела, Саша - внучка, собрали на даче всю банду. И они, взяв себя в руки, два дня жили с ледкой и бабкой, вот это был подарок!

- Что вам нужно для счастья сегодня, сейчас?

- Для счастья нужно меньше зависимости и уставаемости. И все.

Ольга Дубовицкая

Ширвиндт Александр
29.04.2003